

8Г1
Т78
37233

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. В.И. ЛЕНИНА

СБОРНИК

IV

ПУШКИН

ОСТРОВСКИЙ

ЗАПАДНИКИ
и
СЛАВЯНОФИЛЫ

СОЦЭКГИЗ · 1939

ТРУДЫ

СБОРНИК IV

8P1

T 78

А. С. ПУШКИН

+8P1(092)

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ПИСЬМА И СТАТЬИ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА

Оренбургская
областная библиотека
читальня № _____

37233

Орловское

Орловское

ПИСЬМА К. С. АКСАКОВА К В. Г. БЕЛИНСКОМУ

В эпистолярном наследии В. Г. Белинского дошло до нас шесть его писем к К. С. Аксакову, опубликованных первоначально А. Н. Пыпиным в журнале „Русь“ за 1881 г., № 8. Позднее они были включены Е. А. Ляцким в собрание писем Белинского, вышедшее в 1914 г. (Белинский. Письма. 3 т. СПб. 1914). Ответных писем К. С. Аксакова мы не имели и, можно сказать, не имеем, так как публикуемые нами ниже два письма Аксакова не являются ответами на известные нам письма Белинского.

Эти последние приходятся на 1837 и 1840 гг. Оба письма К. Аксакова не датированы, но время написания первого легко устанавливается с точностью до месяца по упоминаемым им местам своего пребывания в Германии и Швейцарии, куда он ездил в 1838 г., — в году, как раз не представленном письмами Белинского.

Труднее определить дату второго, так как оно является запоздалым ответом на не известное нам письмо Белинского. О мотивировке приблизительно устанавливаемой даты мы говорим в примечании к нему.

Но несомненно, что это отсутствие точно соответствующих корреспонденций Белинского не лишает письма К. Аксакова значительности и интереса. Они представляют нам их автора в его двух стадиях развития: в раннем увлечении немецким идеализмом и при свершившемся окончательном повороте в сторону национализма. Правда, следует заметить, что тенденция к этому намечается уже в конце первого письма. В письмах этих обращает также на себя внимание насыщенность философской терминологией русского гегельянства 30-х годов.

Е. Коншина.

I

Люцерн [1838 г., август—октябрь]

Нравится мне Германия, и я полюбил ее житье бытие, которое старался узнать покороче, как все немцы проникнуты чистою любовью к изящному; какая простота, совершенное отсутствие фраз. — Теперь я в Швейцарии нанял себе комнатку недели на четыре и отсюда пишу к вам, любезные друзья Виссарион и Боткин. Передо мною горы, покрытые снегами, влево озеро, день прекрасный, тихо. — На зло твоим нападкам, Виссарион, Шиллер имеет для меня гораздо высшее и важнейшее(?) значение теперь, нежели прежде. Я видел, что такое он до сих пор для Германии; как живо у всех немцев чувство к нему: это любовь какая-то, и Шиллер служит для них связью, которая соединяет всех разноплеменных немцев между собою. Назови только Шиллера и посмотри на лицо Немца, как вмиг расцветает оно. Ты может быть скажешь: но что это за любовь, понимают ли Шиллера те, которые его любят; это глупая любовь. Нет Виссарион; ты сказал вадор, если сказал это. Общее народное чувство не бывает глупо, и если даже многие не понимают многого в Шиллере, то это чувство все таки имеет основание; это следствие общего впечатления, которое производят стихи Шиллера, это следствие той любви, того стремления, которое везде у него высказывается; чувство отзывается на чувство, часто бессознательно, часто только темно понимая его, и потому Шиллер так любим Немцами. Да, его влияние было огромное, и теперь память о нем как жива, как мы и не воображаем, сидя дома. Представьте себе, любезные мои Виссарион и Боткин, теперь появилось новое издание Шиллера, и 75 000 экземпляров уже разобрано, правда, очень дешево: 12 рублей (12 частей), но за то, каково количество желающих. —

Итак, я вслед за Немцами еще более сблизился с Шиллером. — В Веймаре был я у его гроба и Гете. Обыкновенно случается, по крайней мере, случалось со мной, что, когда подходишь к памятнику или ко гробу великого человека, то очень мало или вовсе не чувствуешь в то время никакого впечатления; бывало я сердился на себя за это и насильственно хотел пробудить в себе благоговение, но теперь, друзья мои, когда проводник сказал мне: мы идем к гробу Шиллера и Гете, я почувствовал таинственное волнение; когда же мы пришли туда, я спустился в подземелье, и мне сказали: вот Шиллер, вот Гете, я и не знаю что со мною было; чуть ли это не было сильнее всех впечатлений моего путешествия. В самом деле Шиллер и потом Гете, как важны они для меня, для меня собственно; другие великие люди действуют на меня, через историю человечества; а с этими я сам имел дело. Я пошел потом в библиотеку, где стоят бюсты Гете и Шиллера. Сперва увидел я бюст Шиллера, но этот мне не очень понравился. Сдесь у него на лице выражается слишком много беспокойства, страдания даже: это мученик. Я обернулся, напротив стоял другой бюст; я подумал сначала, что это Аполлон Бельведерский или молодой Юпитер. Кто это? спросил я. Это Гете, еще в молодости, отвечал мне проводник. Тут же стоит бюст Гете в колоссальном размере, снятый с него, повидимому, незадолго до его смерти (т. е. Гете). Жаль, что вы не можете видеть этого бюста; вот сила, вот величие. Это Юпитер; вспомнишь слова Гейне¹. — Я подошел поближе и увидел стихи Шиллера из его чудного стихотворения: *Щастие*, которое не хорошо переведено Жуковским, но которое все таки прочтите; вот стихи вырезанные под бюстом Гете по Русски:

Блажен, кого боги еще до рожденья любили,
Кого в детстве Венера качала в объятых своих,
Кому Гермес уста, а Феб отверз бодрые очи,
И могущества знак Зевс на чело положил².

Да, эти стихи идут к Гете и особенно к этому бюсту. Тут также другой бюст Шиллера, и этот бюст прекрасен. Умиление, любовь пробуждают во мне его черты. — Гете выше Шиллера, я согласен: т. е. жизнь развилась в нем полнее, но Шиллера я люблю, просто люблю, субъективно, как друга. Когда ты дружишься с кемнибудь, ты не станешь спрашивать наперед: вышли ли из субъективности, возвысились ли до конкретного? Не это основания твоей дружбы: дружатся субстанции, а не определения. — Точно поэтому же я люблю, люблю Шиллера, хотя определение Гете несравненно выше; да еще погоди брат, мы Шиллера мало знаем, и я сдесь начинаю его ближе узнавать. В Рудольштадте, на Шиллеровой горе (Schielers Höhe) поставлен тоже бронзовый бюст Шиллера, совершенно в тени деревьев, и над ним на доске вырезанные стихи Шиллера; вот они, друзья мои; прочтите их хотя и в плохом моем переводе; подлинник несравненно. Как хороши эти стихи:

Точно-ль я снова один? в твоих объятых, у груди, Природа, твоей?
Чист твой алтарь, и с него я чище жизнь принимаю;
Вновь бодрый дух нахожу юности, полной надежд.
Вечно воля меняет и цель, и законы, и вечно
Меняясь, кружатся людские деяния вокруг
Но молодая всегда, всегда в красоте равновидной,
Чтишь ты, благая Природа, свято древний закон.
Вечно то же, для мужа ты в верных руках сохраняешь,
Что тебе юноша вверил, что тебе вверил дитя.
Многие разные возрасты на той же груди ты питаешь
Под той же лазурью, на тех же зеленых лугах
Странствуют близкие и вместе далекие все поколенья
И Гомерово солнце, смотри! оно светит и нам!³

В душу идут эти стихи.

Многим покажется смешным мое путешествие; Многие станут спрашивать: вы были в таком городе, видели ли там то-то, то-то? Вероятно на многие такие вопросы буду я отвечать: нет, нет. Я не понимаю, как можно во все продолжение своего путешествия, находиться постоянно в состоянии принимать впечатления; как, с путеводною книгою в руках, бегать по городу осмотреть все достопамятности и таким образом продолжать во весь свой путь? Несколько раз случалось, что приехав в город, я был совсем не в расположении осматривать его достопамятности и потому и не выходил из своей комнаты; так было со мною в Женеве, где на меня напала ужасная апатия. Но за то много прекрасных минут было у меня, когда я был в Веймаре, и потом в Рудольштадте мне было так хорошо. Когда ночью плыли мы по Рейну: ночь была теплая, тихая, небо кой где покрыто облаками; месяц то прятался, то опять выходил из за них; разнообразные берега, Рейн, в котором все отражалось. — Я вспомнил стихи:

Как освежается душа
И кровь течет быстрей,
О, как природа хороша.
Я на груди у ней!⁴

Чудная, прекрасная ночь. И много раз я так полно наслаждался природою; или лучше, право не знаю чем; но только много раз, приходил я в такое неопределенное, полное, блаженное состояние, в котором все заключалось; но что именно занимало, наполняло меня тогда, — я не могу сказать. Приехав в Цюрих, в котором пробыл я несколько дней, взял я жизнь Шиллера⁵, которую купил здесь, и прочел несколько его писем. Нет, мы очень мало знаем еще его, нам должно покороче с ним познакомиться, изучить этого великого человека. Для меня истинное наслаждение узнавать его более и более. — Книгу эту должно перевести непременно; еслиб она могла у нас сделаться книгою всеми читаемою! Тут есть одно письмо Шиллера, в котором он пишет о Валенштейне⁶: Содержание и предмет находятся вне меня; личного влечения я к нему не чувствую, и со всем тем, труд мой одушевлен. Исключая только двух лиц, к которым меня привязывает влечение, все остальное и особенно главный характер, обрабатываю я с одною чистою любовью художника⁷. Вы узнаете, любезные друзья, эти два лица⁸; но понятно влечение Шиллера к ним, и они от того не менее прекрасны и даже, как и всегда говорил я, вполне художественны. — Как интересно знакомство Шиллера с Гете; их переписка, которую тоже я купил. Как понял Шиллер все достоинство, все значение Гете. — В этой книге, так умно написанной, видна его семейная жизнь, его разговоры, семейные письма. Он сказал однажды: Смерть не может быть злом, потому что это всеобщее. Эта мысль, такая простая, в тот вечер так сильно подействовала на меня, что вдруг уничтожила все беспокойство, всю заботу смерти, которые довольно сильно тревожили меня за несколько дней. — Вообще все, что я читаю о Шиллере, все его существо, дает мне такое наслаждение, в котором я конца не вижу. — Ты закричишь, Виссарион, что я впадаю в субъективность! вздор! Мое состояние — такое спокойное, полное наслаждение, столько жизни, силы чувствую я тогда в себе; и чувство мое так всеобщее, что знать я не хочу всех тех определений, которые ты даешь ему. Но увидимся поговорим подольше. Одно только я скажу: я был совсем другой, когда кончил читать в этот вечер жизнь Шиллера. Мне было так хорошо, и все вокруг меня было так прекрасно, и мне так хотелось узнавать и делать; а сколько еще передо мною. Я думал о том как возвращусь в Москву, как стану там трудиться, писать, передавая весь мир, который занимает и наполняет меня, помогать вам, любезные друзья.

Damit das Gute weile(?), wache(?), komme(?)! ⁹,

Хотелось бы мне современем написать о Шиллере. — Да мало ли чего бы хотелось мне; меня не на шутку занимает и филология ¹⁰.

Вот в третий раз принимаюсь за письмо к вам, любезные друзья Виссарион и Боткин. Я теперь в Вюрцбурге; но письмо вероятно пойдет не отсюда. — Я уже на возвратном пути, слава Богу; эта мысль мне очень приятна; да мне хочется вернуться домой, в свое семейство; здесь я вполне узнал, что оно для меня значит, как дорого оно мне; — Москву я часто вспоминаю, вспоминаю и наш маленький кружок ¹¹; теперь с каждым шагом приближаюсь я к России и между тем с удовольствием хожу по старинным городам, люблю на Готическую архитектуру; слушаю орган в Церкви. Здесь о России имеют гигантское понятие. Иные не любят нас, потому что боятся и не верят нашему спокойствию; другие любят, надеясь соединиться с нами; но я встречал и таких Немцев, которые глядели на Россию с любопытством и любовью ученого, предугадывая великую судьбу этого ungeheuer * государства. — Здесь, странное дело, беспрестанно встречая новые предметы, я почти беспрерывно вспоминал и думал о России, о ее значении, и здесь она занимала меня больше. Не думайте, чтобы все то, что я увидал, не произвело на меня никакого впечатления; напротив, чем сильнее оно было, тем яснее, смотря на эту Западную жизнь, представлял я себе наш Восток; тем определеннее становился для меня его характер. Некоторые называют наш Восток Азиатским. Совершенный вздор. Это Европа; только не Западная; развивающаяся особенно. История Русская, язык Русской, народ — все это яснее для меня теперь. — Но довольно; пора проститься с вами, до свидания, Любезные друзья. — Обнимите за меня Ключникова ¹², Князя ¹³, Ефремова ¹⁴, Кудрявцева ¹⁵, и всех, всех добрых наших знакомых, которые помнят меня.

При свидании обо всем подробнее. Начало письма написано месяца за два я думаю

ваш Константин Аксаков.

Несмотря на то, что мне нравится эта простая семейная Германия, но она несколько тесна для нас русских. —

II

[Начало 1840 г.]

Я давно уж получил письмо твое, Виссарион, но не отвечал на него до сих пор. Ты нападаешь на Русских, на народность их, и между тем, в письме твоем, ты являешься Русским по преимуществу (по твоему определению Русского человека) в отношении к вони. Оно конечно, запах силен, но все мне гадко оставаться в нужнике: таково письмо твое. — Ты говоришь еще о действительности, с которой ты в сотый раз уже, кажется, знакомишься. Но действительность (впрочем ты не понимаешь этого слова), которую ты постигал столько раз, знаешь ты только по слухам; ты все слышишь звоны да не в той стороне. — Развиваться значит предыдущее полагать в себе моментом и идти далее, а не то, чтоб целый век прыгать с ноги на ногу и качаться из стороны в сторону на одном месте. Эти слова — ответ не только собственно на последнее письмо, но на твой образ мыслей, на все, что ты пишешь и думаешь, на твое так называемое развитие ¹. Прощай.

Константин Аксаков.

* Огромного.

ПРИМЕЧАНИЯ

I

Письмо датируется на основании сведений, имеющихся в письме В. Г. Белинского о времени пребывания К. С. Аксакова в Люцерне, — см. письмо к М. А. Бакунину от 16—17 августа 1838 г.: „Не знаю, написать ли к Константину Аксакову, который теперь в Люцерне, или написать в Удеревку к Саничке [Станкевичу]?“ (Белинский. Письма, т. I, стр. 227. СПб. 1914.)

Письмо адресуется кроме Белинского также Василию Петровичу Боткину.

1. Вспомнишь слова Гейне — подразумеваются последние строки стихотворения Гейне: „По поводу проектируемого памятника Гете во Франкфурте на Майне“:

„Был он в пеленках вам близок, но, верьте,
Нынче меж вами и им после смерти
Целая бездна лежит“ (перевод Д. Минаева)
(Im Windeln war er einst euch nah; doch jetzt
Trennt euch von Goethe eine ganze Welt
Euch, die ein Flösslein trennt von Sachsenhäuser.)

Гейне Генрих (1798—1856)

2. В оригинале эти строки имеют следующий текст:

„Selig, welchen die Götter, die gnädigen, vor Geburt schon
Liebten, welchen als Kind Venus im Arme gewiegt,
Welchem Phoebus die Augen, die Lippen Hermes gelöset
Und das Siegel der Macht Zeus auf die Stirne gedrückt!“

Жуковским они переведены так:

„Блажен, кто богами еще до рожденья любимый,
На сладостном ложе Киприды влелеян младенцем;
Кто очи от Феба, от Гермеса дар убеждения принял,
А силы печать на чело от руки громовержца“.

3. Эти строки заканчивают стихотворение Шиллера „Прогулка“ („Der Spaziergang“):

Bin ich wirklich allein? In deinen Armen, an deinem
Herzen wieder, Natur, ach! und es war nur ein Traum,
Der mich schauernd ergriff; mit des Lebens furchtbarem Bilde,
Mit dem stürmenden Thal stürzt der finstre hinab.
Reiner nehm' ich mein Leben von deinem reinen Altare,
Nehme den fröhlichen Muth hoffender Jugend zurück.
Ewig wechselt der Wille den Zweck und die Regel, in ewig
Wiederholter Gestalt wälzen die Thaten sich um.
Aber jugendlich immer, in immer veränderter Schöne
Ehrst du, fromme Natur, richtig das alte Gesetz!
Immer dieselbe, bewahrst du in treun Händen dem Mennē,
Was dir das gaukelnde Kind, was dir der Jüngling vertraut,
Näherst an gleicher Brust die vielfach wechselnden Alter;
Unter demselben Blau, über dem nähnlichen Grün
Wandeln die nahen und wandeln vereint die fernen Geschlechter,
Und die Sonne Homers, sieh! sie lächelt auch uns.

4. Первая строфа из стихотворения Гете „На озере“ в переводе самого К. С. Аксакова.

5. Жизнь Шиллера — подразумевается книга Гофмейстера (1796—1844), только что выходящая в те годы. „Schiller's Leben, Geistesentwicklung und Werke im Zusammenhang. B. I—V. Stuttgart, 1838—1842.“

6. Валленштейн — драматическая трилогия Шиллера, состоящая из пролога „Лагерь Валленштейна“ и двух трагедий „Пикколомини“ и „Смерть Валленштейна“.

7. К. С. Аксаков приводит отрывок сокращенно и не совсем точно; в оригинале текст следующий:

Jena, den 28. November 1798

„In Rücksicht auf den Geist, in welchem ich arbeite, werden Sie wahrscheinlich mit mir zufrieden sein. Es will mir ganz gut gelingen, meinen Stoff ausser mir zu halten und nur den Gegenstand zu geben. Beinahe möchte ich sagen, das Süget interessirt mich gar nicht, und ich habe nie eine solche Kälte für meinen Gegenstand mit einer solchen Wärme für die Arbeit in mir vereinigt. Den Hauptcharakter sowie die meisten Nebencharaktere traktiere ich wirklich bis jetzt mit der reinen Liebe des Künstlers; bloss für den nächsten nach dem Hauptcharakter, den jungen Piccolomini, bin ich durch meine eigene Zuneigung interessirt, wobei das Ganze übrigens eher gewinnen als verlieren soll“. (Jena, 7/XI 1798).

(„По отношению к настроению, в котором я работаю, Вы, вероятно, будете мною довольны. Как будто бы мне вполне удастся держаться в стороне от своего материала и давать только самый предмет. Я почти мог бы сказать, что сюжет совсем не интересует меня, и во мне никогда не соединялась такая холодность к предмету с такой горячностью к самой работе. Главный характер так же, как и большинство второстепенных, развиваются мною до сих пор действительно с чистой любовью художника; только по отношению к ближайшему за главным характером, молодому Пикколомини, есть во мне личная заинтересованность, отчего, впрочем, общее должно скорее выиграть, чем проиграть“. Иена, 7/XI 1798 г.).

8. Эти два лица — Текла, дочь Валленштейна, и Макс Пикколомини. Следует обратить внимание, что Шиллер говорит только о втором.

9. Damit das Gute weile, wache, komme! — последние 3 слова разобраны нами предположительно, они имеют зачеркнутые буквы, переправку, и потому нам не удалось установить эту цитату. К тому же, они могут быть и перефразировкой.

10. Планы написать о Шиллере не были осуществлены К. С. Аксаковым, филологией же, напротив, он занялся серьезно, и плодом этих занятий были его следующие работы: „Опыт русской грамматики“, „О грамматике вообще (по поводу грамматики Белинского)“ и „О русских глаголах“.

11. Наш маленький кружок — к этому кружку принадлежали, кроме автора письма и двух адресатов, лица, перечисленные им ниже, а также поэт Красов, Сергей Строев, выступавший под псевдонимом „Скромненько“, Бакунин и Катков. Все они группировались первоначально вокруг Н. В. Станкевича, но к этому времени он уже уехал за границу. Тем не менее его именем обычно называется этот кружок москвичей, ранних русских гегельянцев правого уклана.

12. К л ю ч н и к о в — Иван Петрович (1811—1895), поэт, подписывавшийся „— Ө —“ (фитой с двумя тире по сторонам).

13. К н я з ь — князь П. А. Козловский, инспектор Константиновского Межевого института, где преподавал Белинский.

14. Е ф р е м о в — Александр Петрович, занимавший позднее кафедру географии в московском университете.

15. К у д р я в ц е в — Петр Николаевич (1816—1858), профессор московского университета, историк, ученик и друг Т. Н. Грановского.

II

Датируем на основании письма Белинского от 10 января 1840 г., начинающегося словами: „Любезный Константин, Панаев сию минуту прочел мне твое письмо к нему. Прошу тебя дружески извинить меня за мое к тебе письмо, грязное и неэстетическое, которое так глубоко оскорбило твое чувство“. („Письма“, т. II, стр. 22.) Это письмо не дошло до нас. Вероятно, оно было написано в конце 1839 года. К. Аксаков ответную записку начинает упреком на свою задержку. Сколько времени длилась она?

А. Н. Пыпин во вступительной заметке к публикации писем Белинского в „Руси“ (1881 г., № 8) считает эту записку, которая, явно, была ему известна, окончательным разрывом между Белинским и Аксаковым, но, судя по письму Белинского К. Аксакову от 14 июня 1840 года, следует предполагать еще по крайней мере одно письмо К. Аксакова, на которое и отвечает Белинский.

1. Развиваться значит... — на одном месте — к этому месту письма Аксакова невольно припоминается контрастная характеристика, данная ему в письме Белинского к Н. В. Станкевичу от 29 сентября (8 октября) 1839 г.: „Сделавши определение, Аксаков умрет и не расстанется с ним, боясь упасть в собственных глазах“ (Белинский, Письма, т. I, стр. 358).